

Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова
Вологодский государственный университет

**ПАРТВОРК «КУКЛЫ В НАРОДНЫХ КОСТЮМАХ»
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (проект МК 5977.2015.6 «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)

Статья посвящена партворку как одному из новых жанров СМИ и продукту массовой культуры. На примере партворка «Куклы в народных костюмах» рассматриваются воздействующая, когнитивная и дидактическая функции этого типа издания, в частности, возможности использования текстов партворка в системе раннего развития речи ребенка.

Партворк, этнолингвистика, методика развития речи.

The article deals with a partwork as a new media genre and a product of mass culture. On the example of the *Dolls in folk costumes* partwork, incentive, cognitive, and didactic functions of this publication type are examined, as well as the possibility of using the partwork texts in the system of early language development of a child.

Partwork, ethnolinguistics, methods of speech development.

Введение.

Тексты партворков – относительно нового типа массовых изданий, объединяющего журнальные или книжные серии познавательной или развлекательной направленности, – еще недостаточно изучены как компоненты современной системы СМИ [1], тексты, обладающие специфическим прецедентным полем и иллюстративной составляющей [2], а также обладающие дидактическим потенциалом [3]. Вместе с тем, эти тексты, генетически восходящие к серийным книжным изданиям XIX века [4] и начавшие свою историю с энциклопедических периодических изданий итальянского издательского дома «Де Агостини» (*De Agostini*), уже достаточно прочно обосновались на российском медиарынке [6, с. 22] и, вследствие этого, активно используются читателями в познавательных, развлекательных и иных целях. В данной работе на материале одного из наиболее популярных в России партворков – коллекционной серии «Куклы в народных костюмах» – исследуются возможности использования его текстов в дидактических целях, в частности, на занятиях по раннему развитию детской речи.

Основная часть.

Партворк «Куклы в народных костюмах» издательского дома «Де Агостини» включает в себя более восьмидесяти выпусков, состоящих из журнала и фарфоровой куклы в народном костюме [5]. Журнальная серия знакомит читателя с этнической историей России, бытовой и духовной культурой населяющих ее народов через призму национального костюма. Прецедентное поле журнала составляют тексты этнографических очерков XIX–XXI вв., адаптированные тексты научных работ, фрагменты художественных произведений.

Коллекция «Куклы в народных костюмах» рекон-

струирует образ этнической, территориальной и национальной культуры различных регионов России, этнических или конфессиональных групп (например, донского и оренбургского казачества, старообрядцев – «поляков» Томской губернии, немцев Поволжья, евреев Восточной Европы и проч.). Журнальная серия отражает различные этапы в развитии страны, что выразилось в наличии выпусков, посвященных костюмам Киевской и Минской губерний, а также азербайджанскому, армянскому, латышскому, молдавскому, монгольскому, таджикскому, туркменскому, узбекскому, финскому и другим национальным костюмам.

В коллекции «Куклы в народных костюмах» представлены костюмы разных видов: женские и мужские, зимние и летние, праздничные и повседневные, городские и сельские. Но особенность данной серии заключается в том, что, представляя костюм, издатели предлагают и образ всего региона – в нескольких рубриках: крупных тематических информационных блоках с текстовым наполнением («*История места*», «*Преданья старины красивой*», «*Что здесь носили?*», «*Разбор костюма*», «*Во что здесь играли?*», «*Культура места*») и маленьких специализированных рубриках с конспективным изложением отдельных фактов («*Лоскутик истории*», «*Словарь*», «*Старо предание*», «*Узелок на память*», «*Связующая нить*», «*Разбираем орнамент*», «*Мастерская*», «*Для перекуса*»). Каждый информационный блок сопровождается иллюстративным материалом (картины, фотографии, гравюры и проч.). «Лингвистический код» территории обычно представлен незначительно: например, в выпуске о Вологодском крае содержится лишь несколько диалектных слов (*плетя* «кружевница», *воротушка* «верхняя часть женской рубахи», *кудель* «приготовленный для пряжи пучок льна» и др.) [5, вып. 14].

В текстах партворка «Куклы в народных костюмах» весьма подробно описана культура детства у различных народов России. Подробно описываются традиции, связанные с рождением ребенка, функции различных участников родильно-крестильных обрядов. Так, в Костромском крае было принято *кувадить* – отгонять от роженицы злых духов, ритуально меняясь с ней местами: «*Отец ребенка <...> выставлял в предбанник корзину с яйцами, символизирующими первооснову жизни, и начинал громко кричать, подражая крикам роженицы. Таким способом он выманивал злых духов из бани. Самого новорожденного прятали от бесовских сил в чулане, а отцу вкладывали в руки куклу-кувадку... В некоторых деревнях и селах Костромской губернии сразу после родов и обряда очищения женщины передавалась в мужскую одежду и принималась вести домашние дела, а мужчина в это время в течение недели до крещения новорожденного в церкви лежал на кровати с кувадкой*» [5, вып. 22, с. 20–21]. У восточных народов Российской Империи было принято торжественно отмечать рождение младенца («*Резали жертвенного барана и устраивали обильное застолье. На торжество приглашали всех родственников и соседей. Во дворе дома новорожденного устраивались танцы и состязания джау джиб такган...*») и выбирать для него имя: «*Если ребенок первый в семье, то имя ему давали бабушка или дедушка. Как правило, дедушка давал имя внуку, а бабушка – внучке. Второму ребенку имя могли дать другие близкие родственники, друзья или тот, кто первым войдет в комнату во время обряда укладывания в колыбель. Существовала традиция, по которой тот, кто давал младенцу имя, должен был дать и крупный подарок, обычно это были конь для мальчика или дорогие украшения, платки для девочки. При этом самому дарящему также полагался ответный подарок от родителей ребенка*» [5, вып. 3, с. 22].

Тексты партворка подчеркивают внимательное, любовное отношение к детям в семье. Так, например, эвенки верили, что ребенок «*близок к верхнему миру духов, откуда прилетела его душа – птичка*» [5, вып. 47], в марийских семьях «*к рождению внука его дедушка и бабушка сажали новую березку в родовой священной роще позади усадьбы, считалось, что если на одном из деревьев к этому времени появятся новые побеги, ребенок послан Богом*» [5, вып. 53, с. 16]. При этом традиции воспитания мальчиков и девочек у разных народов различались. Например, в туркменских семьях «*появление на свет девочки не являлось радостной вестью; с первых дней жизни дочь считалась временным членом семьи, ее воспитывали для жизни в чужом доме, у будущего мужа*» [5, вып. 23, с. 21], в культуре Карачая девочки с самого раннего возраста следили за своей фигурой («*чтобы иметь тонкую талию, их с 10-летнего возраста утягивали в корсеты – кюбетюб (от кюбе – кольчуга, тюб – низ, то есть подкольчужник), по крою напоминавшие мужские кафтанчики, надевавшиеся под кольчугу*» [5, вып. 3, с. 8]), в традиционной русской культуре особенное внимание уделялось трудолюбию девочки, воспитанию рукодельни-

цы и хорошей хозяйки: «*Крестьянская девочка проводила много времени за домашними делами, с пятишести лет ее уже сажали за прялку, для чего изготовляли детские прялки, а с девяти – учили ткать*» [5, вып. 16].

Особое внимание уделяется в текстах партворка описанию детских игр. Эти игры повторяли ситуации из взрослой жизни: так, в семьях эвенков «*любили игры, где изображались сюжеты из жизни домашних оленей и людей*» [5, вып. 16]; в маленьких горцах воспитывали «*силу, ловкость, бесстрашие*», учили «*бегать, прыгать, лазать по деревьям, каменным оградкам, промасленным канатам из воловьей кожи*», считали, что «*матери выносливого не придется плакать*», а «*конь – крылья мужчины*» [5, вып. 3, с. 16–18]. В играх девочек значительную роль играли куклы – у архангельских крестьян «*куклу рассматривали как эталон рукоделия, по ней судили о мастерстве и вкусе будущей хозяйки, ее включали в приданое; даже молодуха, пришедшая в дом жениха, могла играть с куклой*» [5, вып. 16], на Украине «*когда девушка выходила замуж, в ее приданом были куклы, которые могли передаваться от матери к дочери*» [5, вып. 4, с. 16]. В журналах подробно описываются различные подвижные народные игры, сопровождаемые текстами устного народного творчества: «*На земле или снегу обозначали границ игровой площадки <...> Выбирался «медведь», он вел игру и занимал один из углов игрового поля. Остальные оставались «дома», на противоположной от «медведя» стороне. Свободное пространство называли «бор». <...> Постепенно приближаясь к водящему, дети пели: «У медведя во бору / Грибы, ягоды беру, / Медведь простыл, / На печи застыл!». С последней фразой «медведь» разворачивался к детям и быстро бежал к ним навстречу. Дети же бросались врассыпную, пытаясь улизнуть. Смысл игры заключался в том, чтобы ведущий поймал кого-то, кто и занял бы место «медведя»» [5, вып. 1, с. 17]. В процессе организации детских игр активизируются процессы раннего развития детской речи – через песни, сказки, потешки, прибаутки, загадки и т. д.*

Система занятий для детей 3–5 лет на основе текстов партворка «Куклы в народных костюмах» разработана преподавателем детской школы искусств «Пируэт» г. Вологды Т. Г. Комиссаровой. Методической основой для организации этих занятий является деятельностная концепция педагогической психологии, сложившаяся в трудах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выгодского, Д. Б. Эльконина, и, в частности, использование методик раннего развития детской речи, описанных в работах Е. А. Флериной, Н. С. Карпинской, В. В. Гербовой, Ф. А. Сохина, О. С. Ушаковой, Е. И. Тихеевой, Г. М. Ляминой и др. [7].

Одно из таких занятий посвящено культуре Вологодского края. Цель этого занятия – формировать у детей образ «малой Родины», развивать умение вслушиваться в слова, понимать их значение и употреблять в речи, развивать внимание, аналитические навыки и творческое воображение. Как интегрируемые области в структуре занятия присутствуют по-

знание, коммуникация, социализация, ритмика и танец. В ходе занятия планируется работа со словами «родина», «Вологда», «земляк», «частушка», знакомство с местными словами «баской», «баять» и устаревшим словом «камзол». Как наглядное пособие используется выпуск №14 партворка «Куклы в народных костюмах», посвященный культуре Вологодского края. Ниже приводится расшифровка записи данного занятия.

- *Что-то у нас очень шумно. А ну, ключики-замочки, запирайтесь роточки!* (Дети у ротиков делают круговые движения, будто закрывая его ключом.) *Вот, совсем другое дело!*

- *К нам на урок сегодня пришла очень интересная гостя. К вам уже приезжали гости из разных стран. Давайте вспомним из каких.* (Ответы детей: «из Болгарии, Украины, Финляндии, Германии, Шотландии».)

- *Посмотрите внимательно на эту куклу и скажите – откуда она, из какой страны она может быть?*

(Ответы детей: «Она на Василису Премудрую похожа».)

- *Это героиня русской народной сказки, значит, она из России, а как вы догадались? Какой у нее костюм, что на ней надето?* (Ответы детей: «Платочек», «Фартучек», «Сарафан».)

- *Россия – это наша Родина. Что для вас означает слово «Родина»?* (Ответы детей: «Родина – это где олимпиада»; «Это страна, в которой мы живем».)

- *Родина – это то место, где мы родились и выросли. Наша большая Родина – это Россия, а малая – это наш город Вологда. Эта кукла к нам не приезжала, она здешняя – вологжанка. А кто такие – вологжане?*

(Ответы детей: «Это те, кто посуду моют»; «Вологжане – это такие люди, которые говорят по-вологжански».)

- *Вологжане – это жители города Вологды. Есть еще одно слово, которым мы можем ее назвать – наша землячка. А что, по-вашему, означает слово «земляк»?* (Ответы детей: «Земляки – это кто по земле ходит».)

- *Ты почти угадала. Земляки – это те, кто не только по одной земле ходят, они родились на одной земле. А чем гордится Вологда, вы знаете?* (Ответы детей: «Вологда гордится своими детьми») (ударение на «я»)

- *Ну, и ими, конечно, тоже, гордится детьми. А еще у нас очень вкусное масло и красивые у нас плетут кружева. Что такое кружево?* (Ответы детей: «Кружево – это большой глаз».)

- *Нет. Смотрите, я вам покажу картинку. Это кружево. А вот кружевница, она кружева плетет* (дети рассматривают репродукцию картины В. А. Тропинина)

- *А теперь давайте познакомимся с куклой. Ее зовут Марья. (Каждый ребенок подходит к кукле, берет за ручку, здоровается и говорит свое имя).*

- *Марье очень интересно узнать чему мы научились на наших уроках. Давайте расскажем ей нашу*

сказочку про язычок. (Дети делают артикуляционную гимнастику). А сейчас расскажем и покажем наши скороговорки. (Дети повторяют скороговорки с элементами логоритмики и пальчиковых игр).

- (Педагог говорит от имени Марьи) *Очень мне понравилось, как вы скороговорки рассказываете. А теперь я хочу вас научить в одну игру играть. А называется она «Походку казать». Как вы думаете, что это означает? Что такое походка?* (Ответы детей: «Это из лесу домой идти»; «Это когда кушать идут»; «Походка – это когда идут в поход, отдыхать».)

- *А что означает слово «казать»?* (Ответы детей: «Это пальцем показывать».)

- *В этой игре нужно показать – как ты ходишь, красиво или не очень. Встаем в кружок. В середину встанет одна из девочек. Повторяем за мной.*

Летал, летал воробей,

Летел, летал молодой (на носочках идем по кругу, руками взмахиваем как крыльями),

Скажи, скажи, воробей,

Скажи, скажи, молодой (сначала правую руку от груди вперед, потом левую, словно обращаясь к кому-то),

Как и Марья ходит,

Ивановна гуляет? (руки в боки, поворачиваем плечиками),

Она эдак, и вот эдак,

Вот еще вот эдак! (на этих словах девочка в центре показывает как она ходит, а все хлопают).

- *А теперь все вместе скажем: «Баско ходит, выступает, бает, рассыпает!»*

- *Вы знаете, что обозначают слова «баско» и «бают»?* (Ответы детей: «Это когда на бал идут».)

- *Давайте разберемся. Это местные слова. Баско – это значит «хорошо», «красиво». А баять – рассказывать что-то. Например, сказки на ночь.*

(Дети: «Баю-бай, баю-бай»; «Баюшки-баю».)

- *Да, баюкать – рассказывать сказки или петь песню на ночь. Баять и баюкать – это словародственники.*

- *А что такое «частушка»?* (Ответы детей: «Это когда моются»; «Это стишки»; «Частушки поют».)

- *Да, частушки поют. Это небольшая забавная припевка. Повторяем за мной, поем, ручки на пояс, ножками делаем притопы.*

Кудри вьются, кудри вьются,

Завиваются до глаз.

Мы – веселые девчата.

Вологжане любят нас.

Город Вологда красивый,

Красит Вологду вокзал.

Я ни с кем гулять не буду –

Строго милый наказал.

- *Хорошо мы с вами потанцевали, устали наверно? А теперь сядем-ка на лавочку, да послушаем сказочку.*

Долгими зимними вечерами, когда не было на полях работы, парни и девушки собирались на посидел-

ки. Девушки пряли пряжу, пели или байки рассказывали. Вот нам сейчас Марья и расскажет одну такую байку. Она называется «Вытегоры – камзолники». Вытегра – город в нашей области, а вытегоры это – жители этого города.

Проезжал как-то царь Петр Первый, был у нас в старину такой правитель, мимо Вытегры. Остановился там лошадей менять. Походил по окраинам вернулся в избу, стал в дорогу собираться. Только хотел надеть свой камзол, это длинный такой жилет, вдруг выступил вперед Гриша-простец, т.е. простодушный, бесхитростный человек. Его почитали, потому что рубил он правду и злых людей краснеть заставлял. Пал этот Гриша в ноги царю и говорит:

- Надежда-царь-государь! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить.

- Говори, – ответил царь. – Дай-ка ты нам, надежда-государь свой камзол, – сказал Гриша.

- А куда ты его денешь? – спросил Петр.

- Себе, надежда-государь, и тем, кто умнее и добрее, на шапки, а шапки мы не только детям, но и правнукам запасем, на память твоей к нам царя-батюшки милости.

Понравилось царь это Гришино слово, и он подал ему свой камзол:

- Вот тебе, Гриша камзол, да смотри, не поминай меня лихом.

Взяли вытегоры себе этот камзол и пошли себе шапки. Завидно стало жителям соседним и стали они говорить, «что вы-де камзол украли», и понеслось это слово в Москву, а из Москвы во все города. И с тех пор стали звать вытегорцев «камзолниками» – вытегоры-де воры, у Петра Первого камзол украли.

- Понравилась сказка? (Дети хором: – Да!)

- А Марье пора с вами прощаться (Кукла машет рукой).

- До свидания!

Как можно убедиться из этой записи, ключевым образом этого занятия становится кукла-вологжанка, предлагаемая в качестве объекта коллекционирования в журнальной серии «Куклы в народных костюмах», активно используются тексты народных игр, сказаний и песен, репрезентируемых в текстах партворки, комментируются слова, толкуемые на его страницах («баской», «баять», «камзол» и др.), при-

влекаются визуальные иллюстрации (репродукция картины В. А. Тропинина «Кружевница» и др.), разбираются элементы летнего костюма Вологодской губернии, представленные в журнале.

Выводы.

Организация учебного занятия на основе партворки позволяет преподавателю соединить аудиальное, визуальное и тактильное восприятие информации о родном крае, активизировать познавательную активность в области детского словотворчества (говорят по-вологжански, земляк – это когда по земле ходит и др.), актуализировать у воспитанников представление о «словесном коде» Вологодского края. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что тексты партворки как особого типа текста в системе массовой коммуникации обладают высоким дидактическим потенциалом в сфере раннего развития детской речи.

Литература

1. Драчева, Ю. Н. Партворк в системе современных средств массовой информации / Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина // Вестник Вологодского государственного университета. – 2015. – №5(15). – С. 63–67.

2. Драчева, Ю. Н. Традиции лубка в современном партворке / Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина // Журналистика и культура: Сб. науч. ст. I Международной науч.-практ. конф. (г. Пенза, декабрь 2014 г.). – Пенза, 2014. – С. 10–14.

3. Драчева, Ю. Н. Партворк «Куклы в народных костюмах»: коммуникативные особенности, лингвистическая основа, дидактический потенциал / Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 10(151). – С. 140–145.

4. История книги: Учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. – М., 1998.

5. Куклы в народных костюмах. Вып. 1–88. – М., 2012–2015.

6. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2013/print-in-russia.html>. Дата обращения: 15.05.2015.

7. Ушакова, О. С. Развитие речи дошкольников / О. С. Ушакова. – М., 2001.

Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина
Вологодский государственный университет,
Н. Г. Мельникова
Череповецкий государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ ВОЛОГЖАН В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (проект МК 5977.2015.6 «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)

В статье рассматриваются особенности звучащей речи вологжан как культурный феномен, получивший отражение в современной массовой коммуникации и формирующий фонетический образ региона. Фонетические особенности вологодских говоров, в частности оканье, становятся основой для появления культурного бренда, получившего свое воплощение в памятнике букве «О».

Русская диалектология, вологодские говоры, оканье, лингвистика СМИ, памятниковедение.

The article deals with the features of Vologda resident's sounding speech as a cultural phenomenon reflected in the modern mass communication and forming a phonetic image of the region. Phonetic features of Vologda dialects, particularly okanye, become the basis for the emergence of the cultural brand which was embodied in the monument to the letter "O".

Russian dialectology, Vologda dialects, okanye, linguistics of media, monument studies.

Введение.

В системе современной массовой коммуникации большое значение имеют культурные константы, репрезентирующие тот или иной феномен. Однако функционирование культурных констант в рамках массовой коммуникации подразумевает их модификацию, переосмысление, часто усиление одних явлений в ущерб позиционированию других. Неотъемлемой частью описания региона становится обращение к традиционным культурным маркерам: например, говоря о Вологодском крае, мы не можем опустить такие культурно-исторические феномены, как посещение Вологодчины Иваном Грозным и Петром I, устройство до сих пор функционирующих монастырей. Культурными маркерами края являются имена Василия Белова и Николая Рубцова, фрески Дионисия, произведения народных промыслов, а также особенности речи жителей, говорящих на севернорусских диалектах.

Стереотипизация культурных маркеров региона в массовой коммуникации приводит к тому, что возникает возможность искусственного создания комплексного образа территории. Брендирование территории приводит к появлению новых культурных объектов, например, памятника букве «О», для обозначения принадлежности стереотипизированного представления об оканье именно этому региону. Таким образом, необходимо рассмотреть феномен брендинга фонетических особенностей речи вологжан в массовой коммуникации для уточнения отдельных аспектов самоидентификации жителей Вологодской области и для постановки проблемы отражения культурных феноменов Вологодчины в туристическом дискурсе.

Основная часть.

Локальные черты фонетики вологодских говоров давно и весьма подробно описаны в русской диалектологии. Это типичное для северян оканье, т. е. различие гласных <o> и <a> в предударной позиции после твердых согласных [молодой], еканье и ёканье, т. е. совпадение гласных <э>, <o>, <a> в той же позиции после мягких согласных в вариантах [э: в'эсна, сн'эла] или [о: в'осна, сн'ола], особое произношение аффрикат – цоканье [ц'асы] или чоканье [офч'а], наличие полумягкого [л]: [колода] и твердых долгих шипящих [шиш] и [жжж]: [шшука], а также специфические изменения сочетаний звуков в конце слова [кос' 'кость', шоу' 'шёл'] и в других позициях [м'энный 'медный' омман 'обман' и др.]. Конечно, в настоящее время всего спектра указанных диалектных особенностей мы не встретим в живой речи вологжан, однако их можно услышать в беседе с деревенскими жителями. Только оканье все же «не сдает своих позиций» и активно функционирует в разговорной речи. В большей или меньшей степени оно встречается у людей разных профессий, возраста, уровня образования.

Исследованию фонетических особенностей вологодских говоров посвящен широкий круг научной литературы: от очерка тотемского говора Олафа Брока [1], открывшего особый тип произношения в нем гласных средне-верхнего подъема, до наблюдений Йоуни Ваахтера [2], утверждающего, что яркие локальные черты вологодской фонетической системы теряют свою актуальность в речи современных жителей региона. Оставив в стороне научную дискуссию о динамике вологодской фонетической системы, обратимся к не менее интересной проблеме

репрезентации ее локальных особенностей в массовом сознании и, соответственно, в текстах массовой коммуникации.

Репрезентацию локальных фонетических особенностей вологжан можно обнаружить в устойчивых народных выражениях, характеризующих жителей определенной местности. Как правило, речь идет о наиболее ярких фонетических отличиях. Это оканье («Я за Вологду родную с топором на танк пойду»), произношение аффрикат («Шла овца из Череповча. Овца, на хлебца! Овца как хлопнечка да перевернечка»), специфическая ассимиляция согласных («Менной ключ упал на нно. А достать-то холодно. И обинно, и досанно. Ну да ланно, всё онно»). В гетеростереотипных высказываниях прошлого наибольшей популярностью пользовалось *цоканье* как отличительная черта речи вологодской провинции. Его мы обнаруживаем в «Пословицах русского народа» В. И. Даля («*Хоцу – вскоцу, не хоцу – не вскоцу*» [4, т. 2, с. 26]), в этнографических очерках XIX века и в ряде других источников. Как правило, эти высказывания сопровождаются пояснениями, комментирующими эту фонетическую черту: «Тотьмяков <называют> *кочанниками, чулочницами и печенца на спицках* ... Прозвище же *печенца на спицках* осмеивает произношение тотьяков. Это на тотемском рынке и теперь еще продают жареную коровью печень, развешанную на деревянных спицах, и продавцы ее то и дело выкрикивают для подманивания покупателей: «*Печенца на спицках!*» [5], [13].

В текстах современной массовой культуры также можно найти отражение локальных фонетических черт северной деревни. Это, например, пародирование фонетико-интонационного и лексико-семантического наполнения фраз диалектной речи в заставке рубрики «Толковый словарь» радио «Премьер»: «*Даже не тоудыкать, а тоуковать-эть надо!*». Это также обсуждение судьбы локализмов на страницах областных газет. Наконец, это активное обсуждение локальных особенностей речи на сайте [6] с целью изучения и сохранения речевой культуры родного края.

Заметим попутно: упоминаемых в текстах массовой коммуникации фонетических особенностей вологодской речи не так много. Это не случайно: сама специфика массовой культуры определяет избирательное преувеличение, культивирование наиболее ярких признаков предметов и явлений на фоне пренебрежения к деталям, нивелировки других признаков, возможно, менее очевидных, но создающих объемное представление о предмете описания. Таким культивируемым явлением вологодской речи стало *оканье*. Его образ в текстах массовой культуры имеет особую судьбу.

Начать следует с того, что *оканье* как фонетический процесс распространено не только в вологодских говорах – это типичная севернорусская черта. Не случайно поэтому в целях исторической достоверности оканье произношение имитируют актеры-исполнители ролей местных жителей в художественных фильмах, действие которых локализуется на Русском Севере – в Карелии («*А зори здесь тихие*»),

на Белом море («*Россия молодая*»), в вологодской глубинке («*Печки-лавочки*», «*Калина красная*» и др.). Вместе с тем мы можем наблюдать, как происходит **брендирование** оканья как типичной вологодской черты, если прокомментируем дискуссию вокруг памятника букве «О» на Соборной горке возле Вологодского Кремля.

История памятника букве «О» насчитывает всего несколько лет. Памятник был установлен как результат реализации гранта на выполнение проекта студентов Вологодского института бизнеса, который был получен в 2012 г. на конкурсе III ежегодной межрегиональной выставки «Вологда – площадка инноваций». Вариантов создания памятника букве «О» (координатор проекта – О. Соколова) было несколько, и в результате отборочного процесса было решено воплотить в жизнь идею архитектора Д. Позднякова. «Памятник высотой 3 метра (вместе с постаментом) и весом около 300 кг украшен традиционными северными узорами, в т. ч. вологодскими <...> Над созданием памятника почти 2 недели трудились 6 кузнецов: рисовали чертеж совместно с городскими архитекторами, работали с металлом, загибая все по чертежу и, наконец, красили. Один бок буквы было решено сделать медным, другой – золотым» [10].

Собственно феномен памятника уже давно обсуждается культурологами, философами, историками, исследователями архитектуры и городского пространства, социологами, психологами и т. д. Уже само слово *памятник* подсказывает основную цель сооружения любого монумента – «для памяти», «чтобы помнили». Современные памятники увековечивают не только людей и события, но и символы [3], [8]. Идея же памятника – уже в исходном понимании культурного символа – какому-либо символу является, по-видимому, характерной приметой нашей времени. Влиянием ли постмодернизма, художественным ли вкусом эпохи можно объяснить существование и востребованность памятников самовару, огурцу [14]? Многое, безусловно, объясняется растущей коммерциализацией туристического бизнеса и стремлением муниципальных властей привлекать больше средств в эту сферу, однако только этим не объясняется потребность людей в материальном выражении несуществующих и никогда не существовавших в предметном мире объектов: литературных персонажей, киногероев, сказочных героев и объектов.

Рассматривая бытование памятника букве «О» в городе Вологде, нельзя не отметить его своеобразие на фоне «обычных» и «необычных» памятников. «Обычные» памятники сочетают в себе историческую, культурную и символическую функции. Так, мемориал «Вечный огонь» (архитектор – Н. Г. Луценко) – это памятник погибшим во время Великой Отечественной войны (историческое событие), память об этом подвиге (символическая функция), духовно-нравственное послание потомкам (культурная значимость). «Необычные» памятники, наподобие памятника Остапу Бендеру, где бы он ни был установлен, имеют символическую значимость и пред-

ставляют собой культурный код в архитектурном пространстве города (ср. памятник выражению «Пермяк – соленые уши» в Перми). Часто такие памятники имеют условную отнесенность к тому или иному региону (ср. феномен г. Мышкина), без какой-либо исторической подоплеки.

Памятник букве «О» – это не памятник историческому лицу (ср. памятник К. Батюшкову), событию (ср. памятник 800-летию Вологды) или предмету (ср. памятник электрическому фонарю в честь 100-летия электрификации Вологды), но и не материальное воплощение той или иной идеи. Условно памятник букве «О» только можно отнести к группе «символических» памятников, поскольку символичность этого памятника заключается не в том, что он воплощает в себе регионально значимые смыслы, а в том, что эти смыслы опосредованно ассоциируются с буквой «О». Наконец, это «культурный» памятник, воплощающий концентрацию смыслов региона: памятники как туристические аттракторы формируют культурный образ территории, однозначно сопоставляемый именно с этой местностью, как, например, город Иваново – это текстиль, невесты и революция [8], т. е. памятник – это слово, сказанное одной культурой другой культуре в своеобразном диалоге культур [3].

Памятник букве «О» имеет двойственный характер: это символ звука и буквы. При установке знака особо акцентировалось как главная причина установки памятника, то, что он символизирует собой вологодское оканье [9] – диалектную черту устной речи. Также упоминалось, что буква «О» входит в названия многих вологодских брендов. Буква «О» может считаться визуальным образом, воплощающим идею оканья, но не его символом. В этом плане памятник букве «О», как и часть других новых памятников, имеет в качестве отличительного признака неразвитую метафоричность (см.: [3]): они прямо показывают обозначаемый объект (если он уже был воплощен в визуальном образе) в отличие от других памятных знаков. Тем не менее, памятник букве «О» все же пионер в своем роде: как первый памятник звуку, вернее, диалектной особенности речи жителей.

В мировом культурном пространстве существуют памятники, состоящие из буквенных символов, но они либо складываются в слова и являются неотъемлемой принадлежностью этих слов (ср. хрестоматийный широко растиражированный пример – надпись «Голливуд» в США; памятник «Любовь» ("Love") из четырех букв), либо подразумевают собой именно букву и позиционируются именно как памятники *букве*: это памятник коми букве «Ӧ» («о краткое») в Сыктывкаре, памятник букве «Е» в Калининграде, памятник букве «Пи» в Сеуле (Корея), памятник букве «П» в Перми и так далее. Отдельную группу среди памятников букве составляют памятники национальным алфавитам в виде отдельных букв: например, это памятники армянским буквам в селе Ошакан (Ошакан – родина Месропа Маштоца, создателя армянской азбуки), а также в селе Арташаван (Армения), памятники буквам глаголицы в Хор-

ватии и т. д. Идея «буквы» прослеживается в памятнике алфавиту в Клину, в скульптурной группе «Русское слово» в Белгороде. Но все эти объекты увековечивают букву как часть алфавита, графически воспроизводимую в значимых словах (название города, например). Памятники букве отражают значимые для региона события и участвуют в процессе формирования регионального патриотизма [7]: например, памятник букве «Ё» в Ульяновске, откуда был родом Н. М. Карамзин, популяризовавший использование этой буквы. Самым же близким по тематике к вологодскому памятнику букве «О» является памятник букве «Ў» («у краткое», «у неслоговое») в Полоцке (Беларусь), хотя белорусская буква все же входит в алфавит.

Видеть в памятнике именно памятник способны не все люди, необходимо знание социокультурного и исторического фона, поскольку одно только бытование памятника в городской среде не приводит к автоматическому усвоению его символического значения и его аксиологической функции. Так, памятник Батюшкову видится как памятник коню (в том числе и самими вологжанами), а памятник первому фонарю воспринимается как юмористическое увековечивание собаки. Памятник букве «О» не всегда воспринимается как буква из-за специфической формы и наличия слишком многих ассоциируемых предметных образов (от самовара до конской упряжи [12]), не смогли узнать на фотографии памятника букве и знатоки передачи «Что? Где? Когда?» [9].

Попытки осмысления памятника букве «О» продолжаются в Интернет-среде на туристических порталах. Так, путеводители по России в целом положительно оценивают памятник («памятник оканью, с которым (оканьем) теперь можно сфотографироваться» [16], «самая любимая буква алфавита» вологжан [15], хотя есть и критические отзывы («памятник нулю» [17]. В отзывах же туристов и жителей города складывается картина менее благожелательная: «памятник так себе. Буква не особенно угадывается как буква. Но вероятно, памятник задумал как рамка для фото...», «ничего особенного, просто буква "О", чисто сфоткаться на память», «прикольный памятник», «a nice photo opp if you stick your head in the middle!» (прекрасная возможность сфотографироваться, если вы высунете голову из середины памятника), «еще один остроумный памятник города. В одной фотографии можно удачно совместить два основных символа города - букву О и Софийский собор. А еще можно и себя поместить между ними. :-)), «это дань моде! Сначала с трудом понимаешь, что это: зеркало, рамка для фотографий. Потом вспоминаешь про памятник...», «совершенно непонятный и не сразу узнаваемый», «классная идея», «оригинальный памятник символу Вологды - букве «О»» [11] и др. Как мы видим, развитие символа в массовом сознании, видимо, пойдет дальше ассоциативной пары «Вологда – оканье». Развитие бренда привело к тому, что сейчас происходит отождествление города Вологды и буквы «О» безотносительно к оканью.

Итак, оканье становится региональным культурным символом, что целенаправленно подчеркивается

процессом брендинга этой диалектной черты. Оканья начинают восприниматься как специфический бренд Вологодской области, хотя фактологически это противоречит диалектологическому описанию северорусских территорий.

Установка памятника показала, что уже преодолено долгое время существовавшее негативное отношение к оканью и убеждение в провинциализме, необразованности окающих людей. Многочисленные образовательные проекты (например, передачи на радио, публичные лекции) принесли в этом отношении ощутимые результаты.

Вне дискуссии о том, сводится ли культурная значимость оканья только к речевому маркированию территории, визуализация идеи, важной для самоидентификации значительного количества людей, позволит привлечь внимание к Вологде как туристическому объекту. Очевидна необходимость увеличения образовательной значимости памятника, поскольку если утвердится впоследствии бренд «вологодской буквы» только в графическом отношении, как буквы входящей в слова Вологда, масло, кружево, молоко, то это приведет к примитивизации запечатленного в памятнике образа.

Выводы.

Таким образом, формирование бренда продолжается в текстах массовой коммуникации. Некоторая расплывчатость образа, который увековечен в памятнике букве «О», привела к тому, что мы можем сдать свидетелями уникального явления: существует памятник тому, что еще только формируется в культурном сознании жителей региона и не имеет четкого обозначения: буква ли это, звук ли. Остается только надеяться на то, что памятник не станет просто местом, «где нужно просунуть голову и сделать фото».

Литература

1. Брок, О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда / О. Брок // Сборник ОРЯС. Т. LXXXIII. – № 4. – СПб: Типография Императорской академии наук, 1907.
2. Ваахтера, Й. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области: дис. ... д-ра философии / Й. Ваахтера. – Хельсинки, 2009.
3. Галкова, О. В. Понятие «памятник культуры»: современные подходы к интерпретации / О. В. Галкова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – №2. – С. 182–187.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 3 т. / В. И. Даль. – М., 1984.
5. Дилакторский, П. А. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии (публикация Е.Н. Шабровой) / П. А. Дилакторский // Русское слово в тексте и слове: Сб. научн. ст. / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2003. – С. 137–140.
6. Зорина, Л. Ю. Диалектное слово в Интернете / Л. Ю. Зорина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб., 2014. – С. 326–341.
7. Капицын, В. М. Семиозис городского патриотизма: опыт осмысления теории и практики / В. М. Капицын // Вестник Рязанского государственного университета. – 2014. – №3(44). – С. 27–35.
8. Кулемзин, А. М. Охрана памятников России как историко-культурное явление: дис. ... д-ра культурол. наук / А. М. Кулемзин. – Томск, 2001.
9. Марюков, А. Знатоки из клуба «Что? Где? Когда?» не смогли ответить на вопрос вологжанки / А. Марюков, А. Раевский // Красный Север. – №72 (27 098). – 2013. – 24 апреля.
10. Новый символ Вологды — кованный памятник букве «О». – URL: [http://ostmetal.info/novyj-simvol-ologdy-kovanyj-pamyatnik-bukve-o. Дата обращения 01.05.2015.
11. Памятник букве «О»: отзывы. – URL: http://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g445048-d3812825-Reviews-or20-Letter_O_Monument-Vologda_Vologda_Oblast_Northwestern_District.html#REVIEWS. Дата обращения 01.05.2015.
12. Романов, В. От «Хомута» мимо Газового к «Замурованной хрюшке» / В. Романов // Невское время. – № 89 (5303). – 2013. – 22 мая. – С. 6.
13. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского. – СПб., 2006.
14. Стрельникова, А. В. Необычные памятники как объект городского визуального пространства / А. В. Стрельникова // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 95–99.
15. Туристический информационный портал «Rutraveller: путеводитель по городам и странам». – URL: http://www.rutraveller.ru/place/9155. Дата обращения 01.05.2015.
16. Туристический информационный портал «Заповедная Россия». – URL: http://www.zapoved.net/index.php/Каталог/Регионы/Северо-Западный-округ/Вологодская-область%20. Памятник_О. Дата обращения 01.05.2015.
17. Туристический информационный портал «Страна.Ru». – URL: http://strana.ru/places/21137320. Дата обращения 01.05.2015.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕСТОВ
«ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ»: К ПРОБЛЕМЕ АРХИТЕКТониКИ ОБОЛОЧКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)

Проблемы построения базы данных электронного корпуса «Жизненный круг» связаны с тематическим делением материала на два крупных блока (*ТРУД* и *ИГРА*), необходимостью учета функциональных и содержательных характеристик текстов (устные / письменные; бытовое общение / художественные тексты / публицистика), введением научного комментария к текстам. Мультимедийная составляющая корпуса заключается в представлении аудио- и видеофайлов, фотографий и иллюстраций и также требует своего места в общей архитектонике базы данных.

Русская диалектология, вологодские говоры, корпусная лингвистика, электронный корпус, база данных.

Problems of a database building of the *Circle of Life* electronic corpus are associated with thematic material dividing into two major sections (*LABOUR* and *GAME*), the need to consider the functional and substantial characteristics of texts (oral / written form; social interaction / literary texts / media texts), the introduction of scientific commentary to the texts. Multimedia component of the corpus is aimed to provide audio and video files, photographs and illustrations, and also requires its place in the general database architectonics.

Russian dialectology, Vologda dialects, corpus linguistics, electronic corpus, database.

Введение.

Современная корпусная лингвистика в настоящее время переживает бум своего развития. Создание электронных корпусов не только способствует развитию и упорядочиванию различных направлений филологического знания, но и позволяет отразить историю языка, его грамматику и функционально-типологические характеристики. На протяжении нескольких последних десятилетий активно развивается диалектное направление корпусной лингвистики, причем как в России, так и за рубежом существуют несколько крупных проектов как полных корпусов национальных языков, так и собственно диалектных корпусов.

К электронным корпусам общего типа (или общего назначения) относятся национальные корпуса, которые отражают все многообразие и вариативность национального языка, все возможные его подсистемы, формы существования и разновидности, например, ряд ресурсов, посвященных английскому языку: Британский национальный корпус (*British National Corpus (BNC)*), Корпус современного американского английского языка (*Corpus of Contemporary American English (COCA)*), Национальный корпус американского английского (*American National Corpus (ANC)*) и т. д.; также известны франкоязычные корпуса *American and French Research on the Treasury of the French Language (ARTFL-FRANTEXT)*, *Lexique* и пр., разрабатываются корпуса немецкоязычных (например, *Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo)*), испаноязычных текстов (например, *Corpus de Referencia del Español Actual (CREA)* и др.

Часто корпус имеет ограничения на материалы, включаемые в базу данных. Так, в «Корпусе русского литературного языка» представлены тексты на

русском литературном языке; широко известны корпусы медиатекстов: например, немецкоязычный корпус *NEGR@* включает в себя газетные тексты, ресурс *TIME Magazine Corpus* составляют материалы американского журнала «Тайм» (*Time*) и пр. Ряд корпусов включает в себя такие функциональные разновидности естественных языков, как устная и письменная речь (например, Международный корпус английского языка – *International Corpus of English (ICE)*) или видеофрагменты (Национальный корпус русского языка), однако далеко не все содержат записи устной речи, ограничиваясь той или иной формой представления расшифрованного материала: запись орфографическая, транскрипция, различные комбинации орфографической записи и записи, отражающей основные фонетические особенности произношения, а также другие комплексные способы расшифровки устных текстов.

Диалектные же корпуса могут быть включены в качестве подкорпусов в национальные корпуса или же существовать автономно в виде отдельных электронных ресурсов: ср. корпус разговорных употреблений северо-германских языков *Nordic Dialect Corpus*, корпус английских диалектов *Freiburg English Dialect Corpus*, корпус эстонских диалектов *Estonian Dialect Corpus* и пр. В русскоязычном пространстве представлены оба варианта: существуют корпуса региональной речи как диалектные подкорпусы (ср. подкорпусы Национального корпуса русского языка [6]), так и проекты, направленные на описание именно диалектной речи (например, Мультимедийный Саратовский диалектологический текстовый корпус [8], другие региональные диалектные корпуса: томских говоров [12], коми диалектов [10] и др.). Типология диалектных корпусов включает в себя также

лингвокультурологические диалектные корпуса (см.: [7], [11]).

Предметом анализа данной статьи является структура лингвокультурологического мультимедийного корпуса, основной же проблемой, требующей обсуждения, становится построение электронной оболочки корпуса таким образом, чтобы получившийся электронный продукт смог стать эффективным инструментом филологических изысканий.

Основная часть.

Функциональность электронного корпуса связана с его потенциальной наполняемостью и возможностью верификации материала, поскольку необходимо представить в базе данных корпуса достаточное количество записей для объективных выводов. Поскольку в основе корпуса как информационной системы лежит та или иная вербализованная единица, все корпуса объединяются прежде всего тем, что основной единицей является *текст* на одном или нескольких языках. Данный текст как основная единица системы определяет структуру всего корпуса. В основе же типологии корпусов лежит функциональный принцип, который определяется целью создания электронного продукта. Таким образом, на этапе концептуального проектирования базы данных предполагается учет прежде всего двух факторов: характеристики текстовой единицы базы данных и назначения корпуса.

База данных «Мультимедийный корпус региональных текстов «Жизненный круг» в качестве основной единицы использует *региональный текст*, который позволяет объединить несколько подходов к изучению языка в его региональной специфике.

Во-первых, это собственно диалектологический подход, рассматривающий региональные варианты языка. С точки зрения этого подхода, региональный текст представляет собой образец диалектной речи. Данная единица представлена в рассматриваемом корпусе двояким образом: как аудио- и видеозаписи фрагментов бесед с информантами – жителями Вологодской области и носителями вологодских говоров, и также как расшифрованный текст этих записей.

Во-вторых, подход с точки зрения научного направления с не вполне устоявшимся названием (см. анализ в [9]), например, лингворегиология [1], которое изучает не «язык в регионе», а «регион в языке», т. е. «особенности самого конкретного региона как индивидуальной дискурсивной сущности, зафиксированные в тех или иных языковых фактах» [1, с. 20]. С этой точки зрения региональный текст представлен в корпусе публицистическими и художественными текстами, репрезентирующими лингвистические и культурные особенности региона. Отбор текстов производился по территориальному признаку: примеры публицистических текстов представляют собой статьи в региональной прессе – районных (например, «Северная Новь», «Звезда») и областных (например, «Премьер», «Красный Север») газетах. Выбор местной прессы обусловлен тем, что в ней наиболее последовательно и объективно отражается

культура региона, в то время как «внешние» средства массовой информации преимущественно обращаются к стереотипизированным представлениям о регионе [3]. Выборка художественных произведений определяется тематическим принципом: через критерий отражения в них индивидуально-авторского осмысления региональной картины мира.

Лингвокультурологическая направленность рассматриваемого корпуса эксплицируется в его наименовании – «Жизненный круг», – которое восходит к описанию жизни севернорусского крестьянина и его художественно-философскому осмыслению в книге В. И. Белова «Лад». Исследовательская часть корпуса строится на сопоставлении лексико-семантической репрезентации концептов <труд> и <игра> в различных дискурсивных практиках, поэтому корпус «Жизненный круг» основан на противопоставлении двух макрокомпонентов – разделов *ТРУД* и *ИГРА* [5].

Перечисленные выше составляющие концепции корпуса определяют архитектуру оболочки электронной базы данных как ключевого логического решения при ее проектировании. С точки зрения пользовательского интерфейса, целесообразно разделение электронной базы на два крупных тематических блока, внутри которых представлен текстовый материал различной дискурсивной направленности: устные тексты, публицистические и художественные. В оболочке корпуса также следует учитывать наличие поисковых инструментов, метаразметки, возможности обращения к мультимедийным материалам.

Концептуальная модель базы данных как логической системы включает в себя прежде всего «описание информационных объектов или понятий предметной области и связей между ними» [2, с. 386]. Модель электронной базы данных «Жизненный круг» ограничивается представлением тематических областей, в которых реализуются описываемые концепты (например, концепт <игра> представлен тематическими блоками «Детские игры», «Календарные праздники» и пр.). Внутри каждого тематического модуля региональные тексты сгруппированы по типам дискурсов: народно-бытовая речь, медиатексты, художественные тексты (подробнее см.: [4]).

Электронная база данных строится как реляционная модель данных, в основу которой положена совокупность взаимосвязанных таблиц. Для реализации мультимедийного корпуса используется технология объектного (объектно-ориентированного) моделирования. Она не противоречит, а, наоборот, дополняет и развивает реляционную модель данных за счет своей открытости и возможности совмещения неоднородных ресурсов. Так в мультимедийном корпусе «Жизненный круг» производится одновременная работа с такими типами данных, как текст, графика, звук, видео.

Для внешнего представления в мультимедийной оболочке выбран иерархический принцип структурирования материала (см. рисунок).

Стартовая страница	
Концепт ТРУД	Концепт ИГРА
Сенокос	Детские игры
Полевые работы	Развлечения молодежи
Огородничество	Свадьба
Обработка льна	Календарные праздники
Работа по дому	
Разведение скота, птицы	
Приготовление пищи	
Рукоделия	
Ремесла	

Рисунок. Основные тематические модули корпуса «Жизненный круг»

Для удобства работы с материалом и его поиска со стартовой страницы организована возможность перехода на элемент поиска по географическому признаку, автору, тематике текстов и их типу. Таким образом, для индексации материала внутри корпуса используются следующие признаки: концепт, тема текста, тип текста, район, автор, ключевые слова.

Для программной реализации мультимедийного корпуса была выбрана интегрированная среда программирования "Turbo Delphi Explorer", которая имеет инструменты для работы с базами данных, различными типами данных и большое количество визуальных компонентов, для организации дружественного интерфейса.

В мультимедийной оболочке корпуса используются следующие визуальные компоненты: TImage (изображение, используется для включения фото и основных изображений); TPanel (панель, для визуального оформления страниц и объединения других компонентов страницы); TMemo (большие фрагменты текста, используется для хранения объемных устных текстов корпуса); TWebBrowser (веб-страница для организации визуального поиска по географическому принципу); TMediaPlayer (встроенный медиаплеер, используется в корпусе для добавления управляющих кнопок по работе со звуковыми файлами); TTreeView (дерево данных, позволяет просматривать логическую иерархическую структуру данных корпуса); TLabel (надписи, компонент для добавления небольших текстовых фрагментов); TButton (кнопки, используются для добавления кнопок перехода между страницами корпуса).

Выводы.

Таким образом, при создании оболочки корпуса вологодских текстов «Жизненный круг» учитывались следующие факторы: лингвокультурологическая направленность базы данных, отразившаяся в иерархической структуре тематических модулей; региональный характер корпуса, реализованный включением в базу данных подкорпусы локально и тематически ограниченных текстов разных дискурсов; мультимедийный способ представления информации, иллюстрирующей и верифицирующей текстовые материалы.

Литература

1. *Ворожбитова, А. А.* Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования / А. А. Ворожбитова, А. С. Зубцов. – М., 2014.
2. *Дейт, К. Дж.* Введение в системы баз данных / К. Дж. Дейт; пер. с англ. – М., 2005.
3. *Драчева, Ю. Н.* Партворк «Куклы в народных костюмах»: коммуникативные особенности, лингвистическая основа, дидактический потенциал / Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – №10. – С. 140–144.
4. *Драчева, Ю. Н.* Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов) / Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / отв. ред. О. Н. Крылова. – СПб., 2014. – С. 114–121.
5. *Драчева, Ю. Н.* Электронный корпус диалектных текстов как источник изучения региональной концептосферы / Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина // Славянская диалектная лексикография / отв. ред. О. Н. Крылова. – СПб., 2014. – С. 48–49.
6. *Качинская, И. Б.* Корпус диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы / И. Б. Качинская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования): 2009. – СПб., 2009. – С. 57–68.
7. *Крючкова, О. Ю.* Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров / О. Ю. Крючкова // Славянский альманах. – 2010. – Т. 2009. – С. 67–84.
8. *Крючкова, О. Ю.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 10 (17). – М., 2011. – С. 359–367.
9. *Мишанкина, Н. А.* Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 28–37.
10. *Некрасова, Г. А.* Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов / Г. А. Некрасова // Финно-угорский мир. – 2010. – № 1. – С. 13–16.
11. *Финько, О. С.* Возможности «Электронного корпуса диалектной культуры Кубани» для проведения этнолингвистического исследования / О. С. Финько // Современ-

ные вопросы языкознания и переводоведения: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары, 2014. – С. 219–222.

12. Юрина, Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2. – С. 58–63.

УДК 811.161.1

Е. Н. Ильина, Н. Н. Карачева
Вологодский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00364
«Вологодский текст в русской словесности»*

Статья посвящена проблеме изучения текстов художественной прозы Александра Яшина в лингвоперсоналогическом аспекте. Исследуются когнитивные, вербально-семантические и прагматические параметры диалектной языковой личности. В результате анализа явлений сюжетно-тематического, композиционного, персонажного и образного ряда делается вывод о специфике художественной картины мира писателя-вологжанина.

Диалектная языковая личность, региональная проза, А.Я. Яшин.

The article is devoted to the problem of studying the texts of Alexander Yashin's art prose in lingvo-person aspect. Cognitive, verbal and semantic and pragmatological parameters of the dialect language personality are investigated. As a result of the analysis of a subject and thematic, composite, personal and figurative row, the authors made a conclusion about specifics of art world of the writer-resident of Vologda.

Dialect language personality, regional prose, Alexander Yashin.

Введение.

Изучение феномена языковой личности на материале текстов художественной литературы относится к числу актуальных проблем лингвоперсоналогии. Работа с материалом художественного наследия автора позволяет, с одной стороны, описать его самого как языковую личность [2] [5], а с другой стороны, определить авторский эстетический идеал, опираясь на речевые портреты персонажей [9]. В нашей работе на основе исследования художественной прозы Александра Яшина делается попытка изучения феномена диалектной языковой личности, черты которой, по нашему мнению, реализуются как в речи повествователя, так и в речи персонажей его текстов.

Основная часть.

Диалектной языковой личностью ученые называют совокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя определенной местности [3]. Основу для их описания обычно составляют значительные по объему записи бытовой речи [7], [8]. На основании их анализа делается вывод о характерных особенностях диалектной языковой личности на всех уровнях ее репрезентации: когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом [4]. На когнитивном уровне у диалектной языковой личности обнаруживаются локальные особенности восприятия действительности, картины мира. Вербально-семантический уровень определяется тем, что диалектная языковая личность использует локальный вариант национального языка – территориальный

диалект во всей совокупности его лингвистических черт. На прагматический уровень диалектной языковой личности влияет реализация ее коммуникативных задач преимущественно в сфере устноречевого бытового общения.

Личность и творчество Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) неразрывно связаны с Вологодским краем. Здесь началась трудовая деятельность и поэтическая биография писателя. Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Все, что было свойственно поэзии А. Яшина, – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стройность языка, естественность диалогов, – стало характерным и для его прозы [1]. Исследуя язык повествователя в прозе Александра Яшина, можно заметить, что наряду с многими признаками креативной языковой личности русского интеллигента здесь отчетливо проявляются локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует репрезентация традиционных ценностей крестьянской культуры, оценка всего происходящего с точки зрения нравственных устоев деревенского социума. На вербально-семантическом уровне обнаруживает себя словесная культура вологодских говоров – местная лексика и фразеология, вкрапления в авторский текст произведений устного народного творчества. На прагматическом уровне обращает на себя позиция повествователя, который наблюдает за происходящим не с превосходством цивилизованного городского наблюдателя, а с деятельным сочувствием земляка.

Яркий пример сказанного – речь повествователя в повести «Вологодская свадьба» (1962), в которой писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры, и о пределах реализма и условности при создании характера героя. Авторская идея произведения воплощается здесь в трех направлениях: отражение старых обычаев на фоне новой деревни, социальная противоречивость современной провинции и поэтика места, любовь к родному краю. Рассмотрим, как авторскую идею репрезентирует речь повествователя в этой повести.

Когнитивный «разлад» обнаруживает оппозиция старого, традиционного, и нового, реализуемая на протяжении всей повести. Эта двойственность восприятия мира находит свое проявление, с одной стороны, в словесных описаниях красот родного края (*В полях было по-ночному тихо, а когда наши машины врывались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов. Казалось, что звуки по стволам уходят в звездное небо*), обстоятельных толкованиях местных реалий (*«Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нем всякие завитушки, плетеные узоры из теста и разноцветные монпансье ("лампасея") да еще изюм <...> Сладкие пироги на Севере – такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики "дар Валдая" под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей*»), эмоционально насыщенных характеристиках персонажей (*«Наталья Семеновна увлеклась, распелась, а все нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым»*), а с другой стороны, в комментариях утративших смысл обрядовых действий (*«В минуту, когда разговор шел еще о птицеферме, дружка Григорий Кириллович, вдруг словно бы спохватившись, вышел из избы. Сейчас он вернулся с живой курицей в руках. Соблюдая какой-то древний языческий обряд, он остановился посреди избы, взял курицу за голову, с силой встряхнул ее – и обезглавленная тушка запрыгала по полу, брызгая кровью, теряя перья. Курицу зажарили и со свежей курятиной и пивом обходили гостей. В деревне Сушинове этот обряд до сих пор никому не был известен, и в чем его смысл – никто растолковать не смог, но свежая курятинка всем понравилась»*), меткой характеристике недостатков своих земляков (*«Под конец напился-таки Петр Петрович. Вероятнее всего, затащил его Николай Иванович по секрету в куть, к матери своей, и та не пожалела самодельного зелья дорогому зятю. Напился молодой князь и начал куражиться. Нашел где-то каракулевую шапку, нацепил ее на ухо и кричит: «Я Чапай! Кто на моем пути? Всем приказываю: долой!»*).

На протяжении повести повествователь вербально дистанцируется от быта и нравов своих персонажей (*«Мне, грешному, кажется, что, отправляясь "на города", мои земляки сознательно одеваются*

похуже, прибедаются, чтобы вернее разжалобить своих "выбившихся в люди" родственников»; «Я, приезжий человек, тоже не был обойден»; «Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!»). Вместе с тем в речи повествователя находят свое выражение традиционные для картины мира северного крестьянина объекты и ценности (*«А между тем в деревне своей она считалась одной из лучших невест. Почему? Потому ли, что единственная дочка у матери и наследница всего дома? Отчасти, может быть, и поэтому. Но такие невесты в деревне есть и кроме нее. Все они не дорожат своим наследством, стараются бежать из дому, устроиться на какую-либо неколхозную работу, как это сделала и Галя, перебравшись на льнозавод. Нет, достоинства Гали – недородной, нерослой, не сильной – в другом. Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живет в крестьянах и поныне. А извечное трудолюбие и непосредливость перешли от дедушек и бабушек к нынешней невесте и стали ее главным приданым, которое скрашивало в глазах женихов ее низкорослость и неприглядность»*).

На вербально-семантическом уровне обращает на себя внимание большое количество локализмов предметно-обиходной и этнографической семантики: *«В дни свадьбы наградили меня бесценными подарками дружка Григорий Кириллович и колхозный шофер Иван Иванович Поповский. Они облазили немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике <...> Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. А к пряснице – плетеную веретенницу с веретенами. Еще молотило березовое – цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне так же достать два заплочных пестеря из березового лыка*». При всей активности употребления в речи повествователя диалектных слов можно наблюдать неоднократные попытки дистанцироваться от местных особенностей речи, например, от специфического произношения:

– *«Иду это я раз вдоль осеков, гляжу – что-то шевеличча. Вдруг, думаю, заяц? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и, верно, заяц.*

Добычливого охотника тут же поднимают на смех:

– *Бежала овча мимо нашего крыльча да как стукнечча да перевернечча. "Овча, овча, возьми сенча!" А овча не шевеличча. С той поры овча и не ягнечча»*.

Замечает повествователь и незатейливую бесцеремонность речи своих земляков: об этом свидетельствует, например, его реакция на свадебные приглашения односельчан (*"Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются"; "Дуньку Волкову пропить будем, приезжай, погуляем!"*) и письменно-приглашение племянницы Гали (*"Дядя Шура, наша Галя выходит замуж. Жених работает на льнозаводе. Пиво мама спроворила, и все будет почестному, как следно быть. Приезжайте, дядя, обязательно, не откажите в нашей просьбе. Едьте,*

пожалуйста!" Письмо писала сама невеста, хотя от третьего лица и без подписи. Казалось, от того, буду я на свадьбе или не буду, зависит ее дальнейшая судьба»).

При оценке мотивационно-прагматического уровня языковой личности обязательно учитывается фактор адресата. Повествователь, заняв позицию летописца вологодской свадьбы, вполне оправданно предполагает, что многие явления местной жизни будут не вполне понятными постороннему наблюдателю. Проявляется это и в разнообразии способов толкования местных слов («*Журавлиха – клюква: старик везет ее кому-то в подарок; «Гая не стала выше ростом, не стала пригляднее, осанистей или, как здесь говорят, становитей»*), и в обстоятельном энциклопедическом описании реалий («*Мария Герасимовна поднесла ей полную белую чашку пива, считавшуюся почетной, как в старину братья. Старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь!»*), и в подробном комментарии местных порядков («*В разговор о льнопресте немедленно включились соседи по столу, и давний конфликт вышел наружу. Суть его в следующем. На заводе старое, почти допотопное оборудование, из-за чего при первичной обработке льна получается очень большой, недопустимый по нормам процент отходов. Чтобы не прогореть даже при этом древнем оборудовании и выполнить и перевыполнить производственный план..., работники льнозавода приноровились умышленно занижать сортность поступающей тресты»*), и во включении местных реалий в широкий культурный контекст: «*Леденцы там по своему разнообразию и многоцветности не уступают коктебельским камушкам»*; «*Вспомнилось: как-то в Москве, на перекрестке у Ленинской библиотеки, вот на таком же морозе милиционер приложил свисток к губам, а он не засвистел – застыл, должно быть. Дует в него регулировщик и сам смеется. Тем дело и кончилось: повезло шоферу-нарушителю»*; «*Я ехал и твердил про себя пушкинские строки: "Колокольчик однозвучный утомительно гремит". До чего же все-таки не хватает колокольчиков!»*. Здесь очевидна позиция повествователя как проводника между локальной и общенародной культурой, стремление осмыслить жизнь Русского Севера в контексте национальных представлений о мироустройстве.

Реконструкция черт диалектной языковой личности в еще большей мере может быть правомерна при анализе речи персонажей Александра Яшина. Создавая многие из своих произведений, писатель рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Так, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина, а в сюжетную основу очерка положен ряд эпизодов из жизни писателя; прообразом главного героя повести «Сирота» стал двоюродный брат Яшина, который не раз обращался к писателю за материальной помощью; источником бытовых и пейзажных зарисовок повести «Высочка» стали родная деревня писателя Блудново и соседствующая с ней деревня Липово [10].

Весьма значимым для творческой позиции А. Яшина является собирательный образ северной крестьянки. В произведениях писателя он имеет большую нравственную и идейную нагрузку, надеется удивительной, неброской красотой, которая заметна не сразу, «но без нее жизнь стала бы серой и неуютной» [6].

Одним из наиболее ярких в речевом отношении является образ исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семеновны из повести «Вологодская свадьба». Автор весьма выразительно рисует портрет ее портрет («*вошла в куть эта черноглазая, с тонкими чертами лица, старая, но и сейчас еще красивая, несогнувшаяся женищина»*), характеризует голос («*высокий, чистый, не старушечий»*), отмечает особое впечатление, которое она производит на собравшихся («*гармонист перестал играть, девушки затихли»*; «*казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели еще ярче»*).

Речь Натальи Семеновны весьма интересна в когнитивном отношении. Она демонстрирует хорошее знание народной песенной культуры и уважение к традициям народного пения: «*А чего это вы коротышки поете? – с упреком обратилась ко всем Наталья Семеновна. – Надо волокнистые песни петь, нельзя без волокнистых. Поди-ко и красоту не справляли, что за свадьба такая? Позвали бы меня вчера, я ведь и красоту всю помню. Раньше мне Митиха Лискина – вот уж причитальница-то была! – скажет, бывало: "Садись-ко, Наташка, возле, у тебя голос вольной, учись!" И я с ее голоса, еще девчонкой, все волокнистые, протяжные песни запомнила. Памятью меня бог не обидел. Сколько своих девок после замуж отдавала, ни много ни мало шесть дочерей в люди вывела – как причеты не запомнить!»*. Отличительной чертой личности Натальи Семеновны можно назвать чувство собственного достоинства, проявление уважения к себе, к людям и к своему делу: «*Пела она неторопливо, старательно, без робости: просто делала нужное людям дело, из-за чего же тут робеть?»*; «*старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь! Затем тщательно вытерла губы и снова запела»*. Она не оставляет без внимания бесчинства дружки и жениха во время свадьбы («*О, господи! – ужаснулась испуганная Наталья Семеновна. – Еще не мужик, а уж форс задает. Что потом-то будет?»*»). Твердость нравственной позиции народной исполнительницы вызывают у односельчан ответное уважение («*Брось обижать старуху! – вступился за Наталью Семеновну Ленка. – Наговоры одни, да еще заглазно... Худославие одно»*).

На вербально-семантическом уровне обращают на себя внимание не столько наличие разговорно-бытовых локализмов в речи персонажа («*догоняла самоукой»*), сколько богатство и разнообразие в применении народно-поэтической речевой культуры: лексико-фразеологическое («*невеста дары раздает и просит благословенья у отца с матерью, которое "из синя моря вынесет, из темна лесу выведет, и*

от ветру – застиныще, и от дождя – притулыще, от людей – оборонушка"») и интонационное богатство («Колокольчики сбрякали, да сердечико дрогнуло. И да сердечико дрогнуло, ретивое придрогнуло. И ретивое придрогнуло, да не ве-ошня вода») свадебных причитаний, шуточных песен подружек невесты («У вас сваха-то княжая, она три года не пряла, она три года не ткала, все на дары надеялась»; «Что у дружки у нашего еще ноги лучинные, еще ноги лучинные да глаза заячинные...»), пословиц и поговорок («Какое пиво – таковы и песни»).

Мотивационный потенциал личности Натальи Семеновны проявляется в том, что пение для нее сопряжено со стремлением включить всех присутствующих в исполнение старинного обряда, разъяснить в меру своего понимания его суть: «Приставайте, приставайте, девки! – говорила время от времени Наталья Семеновна. – Подхватывайте! – И сама продолжала петь»; «Это ничего, что про монастырь пою? – спрашивает она вору. – Нынче ведь нет монастырей-то»). Эта женщина не просто воспроизводит старинные тексты, но и перерабатывает их, соотнося с биографией конкретного человека и вызывая тем самым в его душе живой отклик: «А однажды она приказала девушкам: «Теперь переходите на другой голос, чтобы невесте еще тоскливее стало!» – и сама изменила мотив. Услышав эти слова, Галя, давно молчавшая в своем углу, заревела снова громко, надрывно, всерьез. Совсем свободно заплакалось ей, когда Наталья Семеновна помянула в песне родимого батюшку: Галя осиротела рано и поныне тоскует по своем отце-солдате». Творческое начало исполнительницы проявилось в освоении местных реалий внутри текста традиционных свадебных причитаний: «Кроме теремов высоки-их и столбов белодубы-их бы ли в песне и князя, и бояры, и дивьей монастырь со монашками, были и Дунай – быстра река и Великий

Устюг, Осмоловский сельсовет и колхозное правленьце».

Выводы.

Речевая характеристика исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семеновны убеждает нас в том, что это креативная диалектная языковая личность, во многом воплотившая нравственный идеал писателя, его отношение к народной культуре, стремление сохранить в ней все лучшее, проверенное временем, позволяющее человеку жить в гармонии с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

1. Бараков, В. Н. Семь уроков Александра Яшина / В. Н. Бараков // Литературная Вологда. – Вологда, 2007.
2. Бочкарева, Т. А. Жизненное и творческое кредо Ю. Нагибина: к проблеме реализации языковой личности в художественном тексте / Т. А. Бочкарева // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве». – Барнаул, 2012. – С. 102–103.
3. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2010.
5. Ляпон, М. В. Проза Цветаевой. Очерк реконструкции речевого портрета автора / М. В. Ляпон. – М., 2010.
6. Рулева, А. С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик / А. С. Рулева. – Л., 1980.
7. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971.
8. Толстова, Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой / Г. А. Толстова. – Красноярск, 2007.
9. Чурилина, Л. Н. Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – М., 2006.
10. Яшин, А. Я. Повести и рассказы / А. Я. Яшин; [сост., подгот. текста и примеч. З. К. Поповой-Яшиной]. – Архангельск, 1980.

УДК 811.161

И. Е. Колесова
Вологодский государственный университет

ПРОЦЕССЫ МОРФЕМООБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО КОРНЯ *-LEI- В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки
(Грант Президента РФ МК-1544.2014.6)

В статье реконструируется состав корневых алломорфов исторического корня *-lei-, рассматривается их дальнейшая судьба в диалектной системе русского языка на примере вологодских говоров. На основе анализа лексики с этимологическим корнем *-lei- в статье исследуются некоторые процессы семантической и функциональной дивергенции, приводящие к формированию в вологодских говорах новых корневых морфем, рассматривается ряд проблем, связанных с этим явлением.

Русские диалекты, семантическая дивергенция, морфемообразование, историческое корневое гнездо.

Allomorphs of the historical root *-lei- is reconstructed in the article. The author considers the fate of these allomorphs in the dialect system of the Russian language on the example of the dialects of Vologda region. Based on the analysis of vocabulary with the etymological root *-lei- the author studies some processes of semantic and functional divergence leading to the formation of new root

morphemes in the dialects of Vologda region as well as a number of problems associated with this phenomenon.

Russian dialects, semantic divergence, development of morphemes, historical root cluster.

Введение.

Изучение процессов функционально-семантической дивергенции в русских диалектах представляется особенно актуальным в настоящее время, поскольку именно эти процессы играют очень значительную роль в развитии как лексического состава говоров, так и формировании их словообразовательной системы, затрагивая при этом также процессы морфемообразования.

В данной статье нами сделана попытка восстановить историческую морфонологическую структуру этимологического корня **-lei-* в вологодских говорах, описать семантическую структуру исторического корневого гнезда, восходящего к этому корню, в вологодских говорах и сопоставить ее с другими диалектными лексическими системами.

Основная часть.

Этимологически к индоевропейскому корню **-lei-* восходит как глагол *лить* и его производные, так и целая группа слов, которые на современном этапе развития языка не воспринимаются как однокоренные. Начиная с праславянского периода в истории русского языка, данный корень в составе исторически однокоренных слов представлен рядом алломорфов: *[-*li-/*lej-/*lj-/*loj-/*laj-/*lě-]*.

Функциональная дивергенция, имевшая место на последующих этапах развития языка, привела к тому, что в различных функциональных сферах русского языка, в том числе в диалектах, эти алломорфы имели разную судьбу и приобретали различный языковой статус. Часть из них являются алломорфами одного корня и в современном русском языке. Это наиболее продуктивные и устойчивые праславянские алломорфы *[-*li-/*lej-/*lj-]*, возникшие на базе праславянского сонантного чередования *[-*i-/j-/ě]* [1, с. 280], сохраняют свой статус и в современном русском языке, участвуя в формообразовании и словообразовании как в литературном языке, так и в диалектах.

Например: *[-ли-]* – *про/ли/ть* ‘нечаянно вылить’ [4, с. 614], *на/ли/тук/а* ‘открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху покрытый жидкой начинкой’ [6, 5, с. 49]; *[-lej-]* – *лей/к/а* ‘сосуд в виде ведра с трубкой для поливки растений’ [4, с. 322], *лея [lej/a]* ‘проливной дождь, ливень’ [6, 4, с. 39]; *[-lj-]* – *люю [lj/y]*, *нальёшь [на/lj/ош]*, *ляло [lj/a/l/o]* ‘конец водосточной трубы (вол.)’, ‘люк в палубе судна (вол.)’, *ляк [lj/ак]* ‘форма для отливки пуль, свечей и т. д. (арх.)’ [8, 17, с. 232].

Кроме того, при этимологическом анализе диалектной лексики восстанавливаются восходящие к тому же этимологическому корню алломорфы как *[-лоj-]/[-л’о-]/[-laj-]* и корень *[-слоj-]*, встречающиеся, например, в исторически однокоренных лексемах *за[лоj]* ‘небольшой речной залив’ [6, 2, с. 129], *на[л’о]в* ‘пиво меньшей крепости и худших вкусовых качеств, приготовленное на остатках сусла’ [6, 5,

с. 47], *залай* ‘низменность между двумя пригорками’ [5, 2, с. 76].

Рассмотрим происхождение данных исторических алломорфов. Корень *[-слоj-]* в праславянский период представлял собой сочетание корневого алломорфа *[-лоj-]*, который опирается на праславянское чередование *[-i-/oj-]*, типичное для праславянского образования формы глагольного аблаута и дальнейшего именного словообразования [1, с. 284–285], и префикса *съ-* [5]. Активные процессы семантической дивергенции и разрушение словообразовательных отношений стали причиной опрощения, которое привело к исчезновению морфемного шва между приставкой и корнем и формированию нечленимой основы, а следовательно, и новой корневой морфемы *[-слоj-]*. Уже в древнерусском языке лексема *слои* становится вершиной отдельного словообразовательного гнезда. В настоящее время это словообразовательное гнездо значительно увеличилось в объеме, в том числе и в вологодских говорах, включая в себя такие лексемы как, например, *слоенка*, *слоянка*, *слоёник* и *слоёничек* ‘изделие из слоеного теста’ [7, 6, с. 157]. В вологодских говорах у слова *слои* появляется и новое значение, сформировавшиеся по модели ‘пласт чего-либо’ → ‘группа однородных предметов’: ‘поколение людей’ [7, 6, с. 158], [8, 38, с. 299].

В диалектах, в частности в вологодских говорах, к праславянскому алломорфу *[-*loj-]* также восходит корень, выделяемый в таких, например, словах как *залои* ‘речной залив’ [6, 2, с. 129], *об/лои* ‘дождь со снегом’, ‘ледяная крупа’ [7, 4, с. 89], *но/лои* ‘половодье’, ‘низкое место, пойма’, ‘речной залив’, ‘вода поверх льда’ [8, 29, с. 107], ‘лужа’ [6, 7, с. 141]. Эти лексемы очень распространены (отмечаются в новгородских, орловских, брянских, псковских, пермских, томских, архангельских, тюменских, вологодских, московских, ярославских, вятских говорах), в большинстве говоров многозначны и имеют целый ряд производных. При этом в диалектах сохраняется и свободный корень *[-лой-]*, например, в лексеме *лой* ‘жир, растительное масло’ (вол.) [8, 17, с. 112].

Семантическая связь между свободным корнем *[-лой-]* и корнем *[-лоj-]* в сочетании с различными приставками полностью утрачена, утрачена и семантическая связь лексем, содержащих этот корень, с исторически производящими глаголами *лить*, *залить*, *налить*, *облить* и *полить*. По нашим наблюдениям, лексемы с корнем *[-лой-]* многими носителями диалекта вообще не осознаются как слова, родственные данным глаголам. Большинство лексем с данным корнем имеют ограниченную сферу употребления, называя различные природные явления и формы рельефа, что в сочетании с утратой словообразовательных связей ведет к фразеологизации семантики данных лексем и формированию в диалектной сфере, в частности в вологодских говорах, морфемно связанного корня *[-лой-]*.

Алломорф [-л'о-] возникает, скорее всего, в результате действия процессов аналогии. Академик С. П. Обнорский полагает, что в безударном положении [ě] рано совпало с [e] и вместе с ним изменилось в [o], а уже из безударного положения это [o] было перенесено в ударный слог [3, с. 303–315]. В настоящее время исследуемый алломорф сохранился только в диалектной сфере, в частности в вологодских говорах, при этом его языковой статус несколько изменился. Именно к нему восходит корень, выделяемый, например, в лексемах: *лѣ/в*, *лѣ/в/а* 'последовое кровотечение', 'ливень, поток' [8, 16, с. 305], *за/лѣ/в/а* 'низкое место, затопляемое в половодье' [8, 10, с. 195], *на/лѣ/в* 'пиво меньшей крепости и худших вкусовых качеств, приготовленное на остатках сула после того, как его слили в первый раз' [6, 5, с. 47], *на/лѣ/в/ушник* 'открытый пирог с жидкой начинкой' [6, 5, с. 49], *по/лѣ/в/а* 'проливной дождь, ливень', 'жидкая начинка' [6, 7, с. 137], *раз/лѣ/в* 'глиняный горшок для приготовления теста' [6, 9, с. 17]. Все эти лексемы сохраняют словообразовательные и семантические связи с глаголами, производными от глагола *лить*, большая часть производных лексем прямо мотивирована значениями глаголов, восходящими к основному значению этого глагола 'заставлять течь'. В то же время в свободном виде данная корневая морфема не встречается, что позволяет говорить о формировании диалектного морфемно связанного корня [-лѣ-].

Алломорф [-лај-], по мнению О. Н. Трубачева и Ж. Ж. Варбот, восходит к основе настоящего времени с долгим вокализмом глагола **l̥jati*, **l̥jQ* [2, с. 46–47], [5, 14, с. 22]. Именно к нему восходит корневая морфема, которая выделяется на основании сопоставления диалектных лексем *за/лай* 'низменность между двумя пригорками' (череп.) [5, 2, с. 76] и *у/лай* 'овраг' (моск.) [2, с. 46–47]. Исторически этот же алломорф выделялся в праславянских лексемах **laj/ьn/o*, **laj/ьn/a*, **laj/ьn/ь* 'навоз, жидкая вязкая глина' [5, 14, с. 22].

В настоящее время корень [-лай-] в свободном состоянии не фиксируется, а утрата ряда праславянских лексем и ограничение сферы употребления со-

хранившихся слов привели к фразеологизации значения лексем с этим корнем, разрушению их словообразовательной структуры и формированию основ неполной степени членности, содержащих морфемно связанный корень [-лай-]. Причем какая-либо связь данных лексем с глаголом *лить*, по нашим наблюдениям, многими носителями диалекта сейчас не осознается вообще.

Выводы.

Таким образом, следует отметить, что процессы семантической и функциональной дивергенции играют значительную роль в развитии лексической системы вологодских говоров, становясь одной из причин морфемообразования. Результатом действия данных процессов становится в частности появление целого ряда свободных и морфемно связанных корней, активно функционирующих в диалектной системе.

Литература

1. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования и именные основы / С. Б. Бернштейн. – М., 1974.
2. Варбот, Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1972. – М., 1974. – С. 42–59.
3. Обнорский, С. П. Переход е в о в современном русском языке / С. П. Обнорский // А. А. Шахматов: Сб. научных трудов. – М., 1947. – С. 303–315.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999.
5. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 15. – М., 1989.
6. Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–11) – Вологда, 1983–2005.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–4. – СПб., 1994–1999.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филинов (Т. 1–21); Ф. П. Сороколетов (Т. 22–38). – Л.; СПб., 1965–2004.

УДК 82-31 (17.82.31)

С. Н. Патапенко

Вологодский государственный университет

«ВИШНЕВЫЙ САД» КАК ДИАГНОЗ (ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА В ВОЛОГОДСКИХ ТЕАТРАХ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)

В статье анализируются спектакли вологодских театров по пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Постановки рассматриваются в контексте умонастроений интеллигенции конца XX – начала XXI века.

А. Чехов, вологодские театры, сценическая интерпретация.